

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Иллюстрация на обложке — *Ольга Русанова*
Художественное оформление — *Александр Воробьев*

Вербинина, Валерия.

В31 Отравленная маска : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Исторические детективы Валерии Вербининой).

ISBN 978-5-17-162387-6

Амалии Тамариной семнадцать лет. Она прелестна и умна, хотя осталась без состояния, и теперь ее мать твердо намерена выгодно выдать дочь замуж. Однако жизни девушки кто-то угрожает. Сначала погибает котенок, выпивший пролитое из ее чашки молоко, затем в рояле, на котором играет Амалия, оказывается гадука, потом в девушку стреляют... Убийца совсем рядом, он тщательно скрывает свое лицо под маской, причем, как подозревает полицейский чиновник Саша Зимородков, это далеко не первое его преступление... Теперь Амалии можно полагаться только на свой острый ум.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162387-6

© Илющенко В. В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

На новый 1880-й год в парижской Опере давали грандиозный бал-маскарад. В огромном здании светились все окна, к главному подъезду то и дело подкатывали экипажи, из которых выходили оживленные, причудливо разряженные люди. Лошади фыркали и мотали головами, свет газовых фонарей казался бледным и зыбким, слышались женский смех, громкие голоса кучеров, и под ногами уже кое-где валялись обрывки серпантина и пустые хлопушки — как обещание праздника, который ждет за массивными дверями.

Стоило миновать их, как ночь, холод и последние воспоминания о безрадостных буднях отступали под натиском безудержного веселья. В фойе кружился хоровод масок, на мраморной лестнице красивые девушки в нарядах коломбин осыпали гостей конфетти и блестками. Все проходы были запружены пестрой, счастливой, возбужденной толпой. Здесь присутствовали Париж финансовый, Париж аристократический, Париж торговый, Париж поэтический, музыкальный, военный, старый, молодой, молодящийся... Дамы сверкали драгоценностями и улыбками, и улыбки порой блистали ярче драгоценностей. Кавалеры... Но о кавалерах стоит поговорить особо. Видите этого дородного плешивого господина в костюме священника? Смеясь, он широко разевает рот, как рыба,

выброшенная из воды, и многочисленные подбородки его прыгают и волнуются, словно в жестокой малярийной лихорадке. Его собеседник криво улыбается.

— Ха! ха! ха! Ну и насмешили вы меня, господин Ротшильд! — стонет малярийный.

Это банкир — но даже мое перо, перо беспристрастного историка, дрожит, не решаясь вывести его имя. Как-нибудь, если вы настаиваете, я шепну его вам на ушко, — хотя, замечу, к нашему рассказу его обладатель не имеет ровным счетом никакого отношения: подумаешь, эка невидаль, пришел человек на бал в Оперу! Впрочем, если быть до конца откровенным, это не человек, это столп, Атлант, подпирающий своим плечом государство, всего десять лет назад находившееся на грани величайшей катастрофы в своей истории*. Чихни он, и где-нибудь в Африке или Америке начнется такое землетрясение, от которого не поздоровится и европейским биржам; а если утром горничная, не дай бог, подаст ему в постель чашку остывшего кофе, так и вовсе страшно подумать, что может от этого приключиться на нашем многострадальном свете.

Однако оставим Атланта; он толст и непроходимо глуп, и его любовница, третьеразрядная актриса «Комеди Франсез», попавшая туда исключительно по его протекции (не благодаря же таланту, который отсутствовал у нее начисто), — словом, любовница и та наставляет ему развесистые рога с неким драгунским капитаном, у которого нет в наличии ни банка, ни даже самого завалящего сейфа, и чих его не произведет землетрясения даже в Блуа, — но зато у него имеются мечтательные глаза, доброе сердце и всего-навсего двадцать пять лет жизни за спиной. Да здравствуют те, кому двадцать пять, и долой надоедливую, брюзжащую, подагрическую старость!

* Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся полным разгромом Франции и отречением императора Наполеона III (здесь и далее — примечания автора).

Впрочем, мы что-то увлеклись и едва не пропустили самое главное, ради чего, собственно, я и привела вас сюда. Давайте спустимся в гущу толпы, и постарайтесь не терять меня из виду, не то я не ручаюсь за продолжение. Ах! Ох! Ой! Какая толкотня! Сколько народу! А костюмы, а маски, а лица! Шум стоит просто невообразимый. Меня теснят со всех сторон; не знаю, как вас, но надеюсь, что у вас, благосклонный читатель, еще хватает сил поспевать за мной. Быстрее, быстрее, ныряйте сюда! Фу! Теперь можно и отдышаться чуток. Взгляните вверх! Еще выше! Да нет же, не на ту тощую даму с кислой физиономией, по сравнению с которой даже укус покажется вареньем! Что за вкус, бог мой! Напротив, смотрите напротив! Никого? Как так — никого?

Разумеется, мы его упустили, потому что вы самым бесцеремонным образом пялились на унылую даму (жена вышеупомянутого банкира, между прочим) и особенно на ее выложенное бриллиантами декольте — да, изумительное колье, подарок мужа, который раскошелился, чтобы загладить свою неверность, но опять-таки, к нашей истории оно не имеет отношения. Теперь вам придется поверить мне на слово, что буквально минуту назад у вон той (видите?) колонны, второй слева, маячила бледная тень. Это был человек в костюме Пьеро и маске, целиком закрывавшей лицо.

Его руки утопали в длинных рукавах балахона, а на щеке белой, как вся одежда незнакомца, маски была нарисована огромная черная слеза. В толпе бродила по меньшей мере дюжина его двойников в точно таких же одеяниях, но ни один из них не выказывал такой необычайности, как этот загадочный гость. Порой какая-нибудь прелестная девушка со стрекозиными крыльями за спиной подлетала к нему, думая, что узнала своего приятеля, но, поняв, что обозналась, ускользала прочь, и Пьеро вновь оставался в полном одиночестве, которое, похоже, вполне его устраивало. Маститый критик, выря-

дившийся евнухом восточного гарема, принял его за непризнанного поэта, которого недавно разгромил в своей рецензии, двое шутников довольно громко позубоскалили насчет незнакомца, но он никак не откликнулся на высокомерный кивок критика и ничего не ответил задирющим его весельчакам. Возможно, он ждал кого-то, кто еще не пришел; и впрямь, стоило ему заметить среди вновь прибывших девушку в оригинальном платье, сшитом по испанской моде семнадцатого века, взгляд его заметно оживился.

Тут, однако, мы имеем дело с первой странностью, потому что Пьеро вовсе не стал пробиваться через толпу, стремясь к красавице. Не стал он и махать руками, подавать знаки и всячески привлекать к себе внимание, как это с незапамятных времен в обычае у влюбленных. Он просто скользнул куда-то в сторону и исчез, словно его здесь и не было.

Вокруг девушки в платье à l'espagnole* тем временем образовался небольшой круг масок. Шепоток восхищения, изумления, одобрения и их вечной спутницы — зависти перепархивал с уст на уста, меж тем как вновь прибывшая наслаждалась фурором, который произвело ее появление. Звали девушку Адриенн Дарье, и в редкие минуты печали, которые ей выпадали, она искренне жалела о том, что в мире остается все меньше и меньше королей, способных в угоду ей бросить свои королевства к ее ногам. Ибо Адриенн принадлежала к тем одержимым честолюбием людям, которым всего мало, и даже колоссальное состояние ее отца, нажитое неизвестно где и неизвестно как в годы крушения империи, она принимала скорее как данность, нежели как нечто, заслуживающее внимания с ее стороны.

Надо сказать, что деньги вообще имеют нечто общее с любовью (и не только тем, что некоторые предпочитают

* По испанской моде (франц.).

расплачиваться ими за любовь); ведь в делах финансовых, равно как и в делах сердечных, вызывает непритворный душевный трепет лишь то, что ускользает от нашей власти, бросает нам вызов, обольщает своей недостижимостью, мнимой или действительной. В сущности, нас по-настоящему привлекает только то, что принадлежит другому. Именно поэтому Адриенн Дарье не дорожила своим богатством — при всем при том прекрасно отдавая себе отчет в размере приданого, которое она в один прекрасный (или не очень, как знать?) день принесет своему супругу. Гораздо больше, чем деньгами, она дорожила своей красотой — той, что придирчивые парижане, разобрав по черточкам, объявили «красотой хищницы». Да, пожалуй, черные глаза Адриенн были не очень велики и мало-выразительны, и крылья носа широковаты, и рот крупнее и жестче, чем у парижских барышень, — и все-таки она была бесконечно мила, раз в ней с таким упорством искали изъяны и радовались, найдя их. В отличие от многих женщин зеркало никогда не являлось врагом Адриенн.

Поскольку нынешний вечер выдался совершенно особенным, она остановилась на наряде, подчеркивающим все ее достоинства, а именно на темно-зеленом платье с золотыми разводами, причем портной поклялся самой страшной портновской клятвой, что такого больше ни у кого не будет — не только на этом балу, но и вообще никогда. (Если вам любопытно, какая такая самая страшная клятва бывает у портных, не забудьте, что они постоянно имеют дело с ножницами и прочими режущими предметами. Каждый понимает в меру своей испорченности.)

Платье и впрямь вышло на редкость удачным; достаточно сказать, что оно портило настроение всякой барышне, которая не имела счастья быть в него облаченной, — да и, впрочем, не только оно. В темных волосах Адриенн сверкала неземной красоты диадема из бриллиантов с изумрудами, превосходно сочетавшаяся с такими

же сережками. Каналья ювелир, величайший в Париже искусник в своем деле, клялся своей мамой (покойной), папой (здравствующим), бабушками и дедушками по обеим линиям и предками со всех сторон света, что ни за что не успеет сработать к тридцать первому числу сей несравненный гарнитур для несравненной мадемуазель Дарье. Разумеется, он лгал, хотя его ложь и влетела папаше Дарье в кругленькую сумму дополнительно к основному счету; зато теперь Адриенн могла быть совершенно счастлива среди парижских красавиц, которым она, по выражению ее отца, до сих пор не отучившегося от ужасных простонародных словечек, «утерла нос».

Адриенн, держа в руке зеленую бархатную, в цвет плаття, полумаску на палочке, с видимым удовольствием поворачивалась во все стороны, отвечала на обращенные к ней приветствия, и ее маленькие, с розовыми мочками уши не пропускали ни единого слова, сказанного о ней. Мужчины были ослеплены и покорены, женщины — язвительно колки, как всегда.

— Это Адриенн!

— О! Царица Адриенн!

— Опять она! Уйдем отсюда, я не могу ее видеть.

— Нет, ты посмотри, какая прелесть!

— Кто это? — спрашивал на ломаном французском какой-то англичанин, назойливо лорнируя ее.

— О! Дочь денежного мешка, этакий хорошенький денежный мешочек! — Ах, какой противный, какой гадкий смех!

И, конечно, подруги... Тут как тут.

— Здравствуй, Адриенн, дорогая! Какое чудное платье!

— Линялая тряпка! — заявит говорившая своей знакомой через четверть часа, когда обладательницы платья уже не будет поблизости.

В толпе Адриенн скоро стало душно и скучно. Мужчины, по ее мнению, выглядели как нелепые манекены, а женщины поголовно походили на отставных кокоток.

Ее кавалер Кристиан Бернар-Вермийон, всего-навсего сын владельца железных дорог, суетился как мог, пытаясь угодить своей повелительнице. Он подал ей веер, поднес лимонад, но веер был с презрением отвергнут, а лимонад тут же вылит на ни в чем не повинный фикус. Бедный Кристиан был удручен. Он был раздавлен. Он был уничтожен.

Как последнее средство он предложил уйти отсюда. У папы званый ужин, там собрались самые приличные люди... Самое изысканное общество, продолжал он, ободренный молчанием спутницы. Есть даже один писатель, которого прочат в преемники Виктору Гюго. Правда, сам мэтр, которому пошел уже восьмой десяток, категорически с этим не согласен и будто бы даже заявил, что лучше остаться вовсе без преемников, нежели слышать, как учиняют подобное надругательство над музой поэзии. Кто, собственно, подразумевался под музой и над кем учиняли надругательство — решительно непонятно, но, похоже, что все-таки над самим Виктором Гюго. Впрочем, почти наверняка все это выдумки клеветников, которым любо опорочивать и срамливать между собою почтенных работников пера и чернильницы, безвинных мучеников вдохновения. Наверняка...

— Как вы мне все надоели, — бросила ему царственная Адриенн и, подобрав шлейф, стала подниматься по лестнице. Опешивший Кристиан хотел было последовать за ней, но тут его подхватила под руку какая-то дама в розовом платье, мушках и напудренном парике и увлекла танцевать.

Адриенн даже не заметила исчезновения своего спутника. Ее мучило другое — платье, о котором она совсем недавно грезила с таким упоением, на самом деле оказалось неудобным и сковывало движения. Само собой, у Ворта за него были заплачены немислимые деньги, и, в конце концов, приятно подразнить окружающих роскошью, им недоступной, но...

Тут Адриенн чуть не споткнулась и мысленно послала к черту всех на свете, причем в первую очередь испанских королев, носивших такие жуткие наряды. Кто-то ловко подхватил ее под локоть. Она подняла голову — и увидела Пьеро. Маска прижала палец к губам, низко поклонилась и отступила назад. Адриенн проводила Пьеро недоуменным взглядом, однако ей стало немного легче: ей показалось, что она узнала это прикосновение. «Ага, и этот тоже попался», — мелькнуло у нее в голове. И она непринужденно и грациозно преодолела оставшиеся ступеньки.

Миновав узкий коридор, она вошла в одну из гримерок, предоставленных на время бала в полное распоряжение дам. Зеркала отразили уверенную поступь девушки, сверкание изумрудов и бриллиантов, завитки волос, один из которых немного выбился из прически. При появлении Адриенн две или три смеющиеся девушки внешне замолчали, встали и вышли. В дверях одна из уходящих не удержалась и, скорчив уморительную гримасу, показала красавице язык. Несколько месяцев назад Адриенн увела у нее жениха и, поиграв с ним ровно столько, сколько играют с куклой, выбросила.

Адриенн все прекрасно видела, но виду не подала, лишь неприязненно сощурила глаза, разом словно став старше — но это длилось только мгновение. Она подошла к зеркалу, чтобы поправить прическу, и случайно выпустила из рук полумаску. Чертыхнувшись про себя, Адриенн нагнулась подобрать ее, а когда вновь выпрямилась, то даже вскрикнула от испуга, увидев в зеркале сбоку белый силуэт.

— А, это вы! — сердито вырвалось у нее. — Вы меня напугали, честное слово! Разве можно так подкрадываться?

— Вы меня узнали? — глухо спросил силуэт.

— Разумеется. Боже, какой наряд!

Пьеро (ибо это был именно он), возможно, помрачнел — но наверняка нам этого знать не дано, ибо маска с черной слезой на щеке закрывала все его лицо.

— Я принес вам шампанское, — сказал он. В руках незнакомец в самом деле держал два бокала, один из которых приподнял в заздравном жесте. — За вас.

Адриенн улыбнулась и взяла бокал. Он положительно мил, подумала она. И сделала глоток.

— Я бы предпочла шербет, — заметила она с тонкой улыбкой. «Не стоит чересчур его поощрять».

Пьеро вздохнул и развел руками, отчего длинные рукава балахона соскользнули чуть ли не до локтей. Он поспешно опустил руки, но мчаться стремглав за шербетом явно не торопился.

— Вы ужасно похожи на несчастного влюбленного, — поддразнила красавица своего молчаливого друга, допивая вино. — Что с вами?

— Я не несчастен, — последовал спокойный ответ. — И, во всяком случае, не влюблен.

Адриенн поморщилась и поставила пустой бокал на стол. Слова собеседника безотчетно не понравились ей.

— Но ведь вы же Пьеро, не так ли?

Своим вопросом Адриенн намекала на то, что в комедии масок Пьеро изображает неудачника, влюбленного в Коломбину, которая обманывает его с ярким пройдохой Арлекином.

— С чего вы взяли?

Было странно и немного жутко слышать глуховатый голос незнакомца в то время, как губы его маски оставались совершенно неподвижными.

— У вас такой наряд, — ответила Адриенн.

— Это наряд смерти, мадемуазель, — шепнула маска.

Адриенн подалась назад. Отчего-то ей стало трудно дышать. Она схватилась за горло. Какая глупая шутка, какая неприличная. А еще хочет, чтобы его считали воспитанным человеком. Адриенн почувствовала, как на висках у нее выступил пот. Пьеро смотрел на нее, и в его глазах она видела не усмешку, не торжество, а всего лишь спокойное, сосредоточенное любопытство. Это было невыносимо.

— Смерти? — Она не узнала своего голоса. Язык цепенел, слова выходили у нее с трудом. — Какой смерти?

В этот миг она почти ненавидела его. Его балахон, его маску, но больше всего — эту черную слезу на щеке. Глаза в прорезях маски сверкнули.

— Вашей, Адриенн.

Она подумала: «Он шутит. Он всегда... так...» — но что «всегда», додумать Адриенн не успела. Она хотела сказать еще что-то — быть может, спросить, за что ей это, и так трудно дышать... платье... это наверняка простой обморок, ведь он не посмеет, нет, это все из-за платья, даже горничная предупреждала ее, а она не послушалась, обозвала ее идиоткой. Кровь молотом стучала в мозг Адриенн, все быстрее, быстрее, и внезапно наступила тишина. Молот больше не стучал, и тишина длилась ровно вечность.

Все закачалось и поплыло перед глазами у девушки. Зеркала накренились и беззвучно рухнули куда-то вбок, но Адриенн даже не смогла удивиться. Она лежала на полу, и свет капля за каплей вытекал из ее широко раскрытых глаз. Она была мертва.

Пьеро взял бокал со стола и поставил на него свой. Огляделся. За дверями, совсем близко, послышались чьи-то голоса, зазвенел женский смех, и убийца уловил звук удаляющихся шагов. Он спрятал в рукав отравленный бокал и медленно снял маску.

Весной 1880 года Амалия Тамарина возвращалась из Франции в Россию. Позади остались яркие краски средиземноморского юга, мельницы старого Прованса, привычный силуэт Парижа, где в сиреновом сумраке над Марсовым полем только опытный провидец мог разглядеть очертания Эйфелевой башни, еще не обретшие стальную плоть*. Мимо, мимо; и вот Франции уже нет, поезд катит по территории Германии, за окнами проплывает тусклый серый Берлин, где на каждом шагу натыкаешься на солдата и на каждом газетном листе царапает взгляд имя кайзера или канцлера Бисмарка.

Но вот и Берлин скрылся в тумане, и потекли бесконечной чередой опрятные городки, до неправдоподобия схожие друг с другом. Подперев щеку рукой, Амалия смотрела в окно, чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, но почти ничего не видела — то ли оттого, что беспрестанно шел дождь, то ли оттого, что на глаза ей слишком часто наворачивались слезы, и она не могла уже разобрать, дождь или собственное горе слепит ее. Пели

* Эйфелева башня еще не была построена, ее возведут только в 1889 году.

рельсы, стучали колеса, один вокзал сменял другой. Мимо, мимо — поле, кирха, река, деревенька, заяц, бегущий по откосу; машинист дал долгий гудок, и заяц опростелью бросился в кусты. Приближалась Польша — граница необъятных владений Российской империи.

В Познани, расположенной в ту эпоху на прусской территории, ненадолго выглянуло солнце. Амалия встряхнулась. Как медленно они едут! Поскорей бы добраться до Варшавы, где они сделают пересадку на московский поезд — и, очевидно, опять придется трястись во втором классе с его жесткими сиденьями и терпеть всевозможные неудобства. Только сейчас Амалия почувствовала, как измотана долгой дорогой. В эти минуты ей хотелось лишь одного: увидеть своих родных, выплакать им свое горе... Ее горе! Губы девушки дрогнули, и она снова отвернулась к окну. Познань уже скрылась из глаз. Верный слуга Яков Лазарев, думая утешить госпожу, вздохнул:

— Огромная, барышня, земля, даже до неприличия. Едешь-едешь — и никак на место не доберешься. Европа!

Пыхтя, свистя и изрыгая клубы дыма, состав подкатил к пограничной станции, содрогнулся и замер. Засуетились кондуктора, в коридорах зазвенели оживленные голоса, в соседнем купе затыкала собака — судя по голосу, болонка. Амалия ощутила легкое волнение, которое всегда охватывает человека, когда он возвращается после долгого отсутствия на родину. Конечно, остается еще германский пограничный контроль, и эти немцы всегда так дошны... Но все обошлось: немецкий таможенник бросил взгляд на ее черное траурное платье, на документы, вежливо поклонился и исчез. Через некоторое время состав тронулся дальше, но проехал буквально несколько метров и остановился.

«Мы пересекли границу», — мелькнуло в голове у Амалии. Дверь купе распахнулась, пропустив жандарма и таможенного офицера — молодого человека лет двадцати пяти с льняными волосами и непроницаемым взглядом.

— Vos papiers, s'il vous plaît*, — сказал таможенник с неистребимым славянским певучим акцентом.

Тонкая белая рука взметнулась с черного крепа — Амалия протянула офицеру документы.

— Прощу вас.

Молодой таможенник, окинув взглядом Якова, державшегося, как всегда, с невозмутимым достоинством, и горничную Амалию Дашу, не знавшую от смущения, куда ей деться, открыл паспорт пассажирки в трауре. Амалия Тамарина, дворянка, возраст — семнадцать лет, родилась в Петербурге 22 февраля 1863 года. Офицер внимательно посмотрел на девушку. Хороша барышня, ничего не скажешь. Глаза карие с золотой искрой, волосы светлые и лицо мягкое, нежное, только сейчас чем-то опечаленное. Амалия, значит. Офицер бегло просмотрел паспорта прислуги. Все было в порядке. Он сухо улыбнулся и с поклоном вернул документы девушке.

— Наш багаж... — начала Амалия. Таможенник сделал протестующий жест.

— Не стоит, сударыня. Добро пожаловать — и счастливого пути!

Поняв, что офицер не будет осматривать их чемоданы, Амалия почувствовала облегчение. Конечно, там не было ничего, заслуживающего его внимания, просто ей было немного не по себе при мысли о том, что кто-то станет трогать и перебирать ее вещи. Любезный офицер попросился и проследовал дальше в сопровождении жандарма.

— Какой галантный кавалер, — мечтательно вздохнула Даша. — И блундин.

Яков метнул на нее укоризненный взгляд. Сколько школил он ее, учил уму-разуму, и все напрасно. Ну не умеет девка себя держать, что ты поделаешь! А всему виной Амалия Константиновна, избаловала, испортила прислугу. Яков покосился на Амалию, чье лицо вновь приня-

* Ваши документы, пожалуйста (*франц.*).

ло скорбное выражение. Нет, не станет он беспокоить ее из-за горничной, ни за что не станет.

Он ведь, почитай, шестьдесят семь лет в семье, еще с крепостных времен, а это вам не шутки-с. Ведь он, Яков, еще от Владимира Сергеевича, деда барышни, мальчиком мух отгонял, когда тому вздумается вздремнуть. Ох и гневлив был генерал Тамарин, ох и крут нравом! При нем в доме все на цыпочках ходили да шепотом разговаривали. Старой закалки был кавалер, не дай бог ему поперек слово молвить — лицо кровью нальется, и как начнет кричать, аж стекла в рамах ходуном ходят. Громовержец чистый, но надо отдать ему справедливость: и щедр он был сверх меры, и на доброе слово не скупился.

Сын его, тот все-таки из другого теста, помягче, пообходительнее. Добрый он был человек, даже чересчур. Ну да ладно, негоже покойникам косточки перемывать, не христианское это дело. Нет уж обоих, ни генерала, которого хватил удар, дай бог памяти, двадцать один год тому назад, ни отца Амалии, Константина Владимировича — но его чахотка сгубила, как и его единственного сына, брата барышни, в могилу свела, окаянная. Говорили врачи: климат теплый нужен, вот и послушался их Константин Владимирович, поехал за границу — сначала в Италию, потом на юг Франции, в Ментону, да все равно не выздоровел, умер. И барышня при нем оставалась, до самого конца, и в Ментоне его похоронила, как он пожелал. Да! Вот так и скончался Константин Владимирович, царствие ему небесное, вечный покой, и сына своего пережил всего на полтора года. Ох, оскудение, оскудение горькое!

Только и осталось из семьи, что Амалия да мать ее, Аделаида Станиславовна, но это уж другой коленкор. Совсем другой. Только бы к барышне хворь не прилепилась, а там, глядишь, мужа себе найдет поприличнее, да и детки пойдут, и понянчит он, Яков, в старости Константина Владимировича внуков.